

УДК 316.42

Шахназарян Владимир Михайлович

Директор

Центр современных научных исследований и образовательных технологий

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Аннотация. Современные формы социального управления связаны с возрастанием роли сетевых технологий в организации взаимодействия граждан, организаций и государства. В России, после значительных успехов в развитии институтов сетевой демократии и электронного правительства в 2008–2012 гг., наблюдается тенденция к их деградации. Стремление государства реализовывать в новых технологических и социальных условиях традиционную иерархическую модель управления ухудшает перспективы политического и экономического развития страны.

Ключевые слова: сетевая демократия, электронное правительство, электронное участие, социальное управление

Vladimir M. Shakhnazaryan

Director

Center of Modern Scientific Research and Educational Technologies

PERSPECTIVES OF NETWORKED DEMOCRACY IN RUSSIA

Abstract. Network technologies are increasingly involved in political process and establishing interactions between citizens, organizations, and government. In Russia, after significant ascent in e-Gov and e-Participation indices in 2008-2012, a tendency to decline can be observed. The Government strives to implement

traditional hierarchical model of public administration in radically new technological and social conditions, and this damages perspectives for Russia's economic and social development.

Keywords: *networked democracy, e-Government, e-Participation, public administration*

Одной из наиболее значимых тенденций в развитии отношений между обществом и государством в конце XX – начале XXI века стало использование современных информационных технологий для развития демократических институтов. Широкое распространение высокоскоростного доступа к сети Интернет, мобильных устройств, облачных сервисов и других технологических решений создало условия для более эффективного взаимодействия граждан, коммерческих и некоммерческих организаций с органами власти в повседневном режиме. Различные аспекты новых форм политической организации и социального управления описываются различными понятиями: сетевая (электронная) демократия, электронное правительство, электронное государство, подвижная демократия, разделяемое управление, электронное гражданское общество, электронное участие и т. п. (см., напр., [1-5]).

Если традиционные формы взаимодействия государства и граждан укладываются в парадигму отношений G2C, при которой основной поток информации осуществляется в направлении от государства к гражданину, то развитие современных сетевых технологий обеспечивает потенциальные возможности взаимодействия как в обратном направлении (G2C), так и в системах «гражданин – гражданин», предполагающих возможности гражданской самоорганизации общества.

В контексте дискуссий о «сетевой (электронной) демократии», основное внимание, как правило, уделяется использованию современных технологий для повышения прозрачности деятельности органов власти и расширения

возможностей участия граждан в подготовке и принятии решений, формировании политики, обсуждении законопроектов. Соответствующие организационно-технологические решения обычно носят название электронного правительства.

Организация Объединенных Наций проводит регулярный мониторинг деятельности государств по развитию инфраструктуры и институтов электронного правительства. С этой целью специалисты ООН рассчитывают специальный индекс развития электронного правительства (EGDI), отражающий качество оказания услуг в электронном виде, развитость информационной инфраструктуры и качество человеческого капитала. Дополнительно используется также индекс электронного участия (EPI), показывающий степень доступности для граждан публичной информации, их вовлечение в формирование государственной политики, а также непосредственное участие в принятии решений. По итогам последнего исследования, опубликованного в 2016 г., значение данных индексов для России было следующим (см. рисунок).

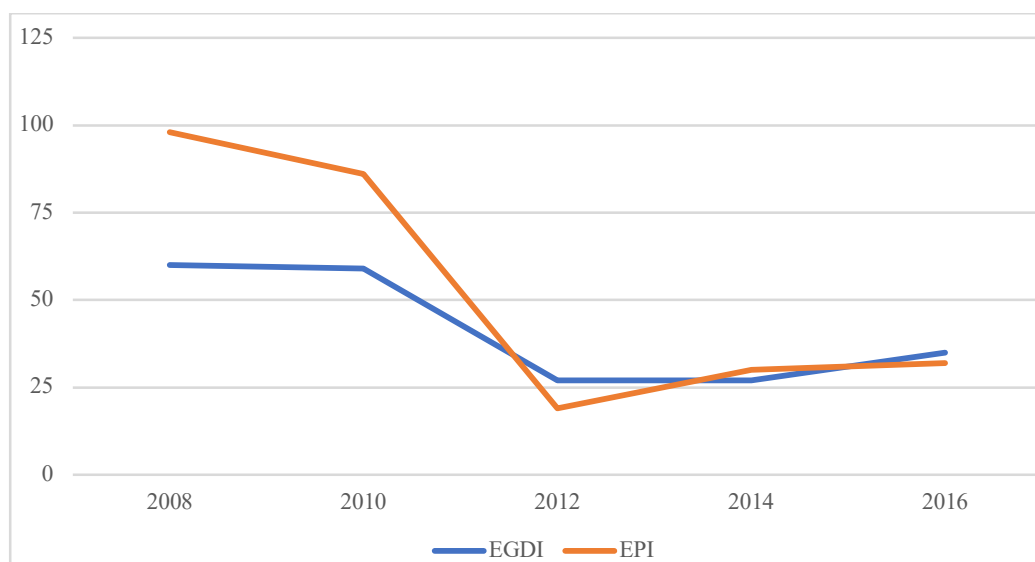

Рисунок. Динамика позиции России в рейтинге ООН по значению индексов EGDI и EPI, 2008–2016 гг. [6]

Значение индекса EGDI для России в 2016 г. составило 0,72 (у лидера рейтинга, Великобритании – 0,92), что соответствует 35 месту среди всех

стран, а индекса EPI – 0,75 (у лидера, также Великобритании – 1,0), или 32 место. Отметим, что на графике указано именно место в рейтинге, и в случае России динамика за последние 4 года отрицательная, хотя благодаря реализации ряда государственных программ, прежде всего, «Информационное общество (2011–2020)», Россия сохраняет достаточно высокое место.

Непосредственный характер взаимодействия органов власти с гражданами, отражен в индексе EPI. Анализ субкомпонентов индекса показывает, что достаточно высокое место, занимаемое Россией, обеспечивается, прежде всего, за счет самой простой формы взаимодействия, при которой органы власти используют сетевые технологии для информирования населения. Функция информационного доступа реализована в России, по оценкам ООН, на 91,2%. Одновременно, функция вовлечения граждан в обсуждение политических инициатив и принятие решений реализованы, соответственно, на 63,2% и 28,6% [6, p.174]. Это означает, что характер взаимодействия общества и государства в России носит преимущественно вертикальный, иерархический характер и остается в рамках логики G2C отношений.

Механизмы обратной связи, заложенные в концепции электронного правительства, в России существуют: в большинстве органов власти предусмотрены те или иные форматы общественного обсуждения проектов и инициатив, действует ряд проектов, позволяющих гражданам самостоятельно формулировать предложения (например, Российская общественная инициатива), в отдельных регионах разработаны и внедрены инструменты сбора мнений и электронных голосований по актуальным вопросам («Активный гражданин» и «Наш город» в Москве). Эффективность подобных инструментов, тем не менее, не всегда очевидна; специалисты, в частности, отмечают, что содержательно, взаимодействие с обществом является декоративным, особенно когда речь идет о значимых решениях, а сами инструменты сетевой демократии навязываются «сверху» [7].

Еще сложнее ситуация с развитием политических отношений в системе С2С, которые являются не менее важным компонентом сетевой демократии. Современные технологии и сервисы обеспечивают возможности для высокоэффективной сетевой координации деятельности граждан, общественных объединений, групп, при осуществлении общественной и политической активности, решении проблем социального управления. Специалисты отмечают, что новые модели управления предполагают переход от иерархических моделей управления к сетевым, основанным на горизонтальных связях [8]. Однако есть все основания полагать, что такие формы гражданской самоорганизации воспринимаются государством не как естественное проявление демократического развития, а как прямая угроза своему существованию.

Под предлогом борьбы с экстремизмом и опасностей «цветных революций» принимаются законы и решения, которые объективно затрудняют самоорганизацию граждан в сетевые сообщества и попытки их участия в общественной и политической активности. Примерами являются закон о локализации хранения персональных данных пользователей Интернет, законодательство о системах оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), нарушающих Европейскую конвенцию о правах человека, в том числе т.н. «пакет Яровой» досудебная блокировка интернет-ресурсов, давление на общественные организации, ведущие политически значимую деятельность (например, Фонд борьбы с коррупцией), аресты за записи в социальных сетях, или изменение условий пользовательского соглашения «Живого Журнала».

На наш взгляд, такие инициативы отражают непонимание руководством страны логики и механизмов управления в рамках парадигмы сетевой демократии; пытаясь навязать традиционные формы иерархического управления в новой технологической и социальной среде, сущность которой основана на кардинальном расширении возможностей горизонтальных отношений. Наметившаяся устойчивая тенденция к снижению позиций

России в рейтингах развития электронного правительства свидетельствует о том, что принимаемые в данной сфере решения не соответствуют общей логике и направлению развития современных форм социального управления.

Учитывая роль, которую играют сетевые технологии в современной экономике, можно предположить, что стремление к росту регулируемости и управляемости сети Интернет, противодействию способам гражданской самоорганизации ограничивают возможности не только политического, но и экономического развития России. Одним из необходимых условий развития «цифровой» экономики является благоприятная политическая и регулятивная среда, повышающая инвестиционную привлекательность данного сектора и снижающая деловые и юридические риски. Можно поэтому утверждать, что изменение политики государства в отношении институтов сетевой демократии должно стать приоритетным направлением в развитии системы социального управления в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Electronic Government and Electronic Participation. Ed. by E. Tambouris et al. Amsterdam: IOS Press, 2015.
2. Буренко В.И., Бронников И.А. Электронное гражданское общество: иллюзии или реальность? (Зарубежный опыт и отечественная практика. Политический аспект) // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С.44-51.
3. Васильева Е.Г., Кононенко Д.В. Современные интерпретации концепции электронного государства (электронного правительства) // Вестник ВолГУ. Сер. 5. №1. С.9-16.
4. Пылин В.В. Вопросы современной электронной демократии и электронного информационного общества: достоинства, проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2016. №9. С.127-134.

5. Ровинская Т.Л. «Подвижная демократия»: за и против // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №12. С.60-69.
6. United Nations E-Government Survey 2016. – New York: UNO, 2016.
7. Пономарев С.В. Проблемы внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему государственного управления России: электронное правительство в отставку? // ARS ADMINISTRANDI. 2014. №1. С. 91–105.
8. Барков С.А. Сетевые отношения как организационная инновация и основа экономической и социальной безопасности. В сб.: Логистика и безопасность России / Под ред. Т.М. Степанян. – М.: Макс-Пресс, 2016. – С.20-33.

REFERENCES

1. Electronic Government and Electronic Participation. Ed. by E.Tambouris et al. Amsterdam: IOS Press, 2015.
2. Burenko V.I., Bronnikov I.A. Elektronnoe grazhdanskoe obshchestvo: illyuzii ili real'nost'? (Zarubezhnyj opyt i otechestvennaya praktika. Politicheskij aspekt) // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №1. S.44-51.
3. Vasil'eva E.G., Kononenko D.V. Sovremennye interpretacii koncepcii elektronnoho gosudarstva (elektronnoho pravitel'stva) // Vestnik VolGU. Ser. 5. №1. S.9-16.
4. Pylin V.V. Voprosy sovremennoj elektronnoj demokratii i elektronnoho informacionnoho obshchestva: dostoinstva, problemy i perspektivy // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2016. №9. S.127-134.
5. Rovinskaya T.L. «Podvizhnaya demokratiya»: za i protiv // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. №12. S.60-69.
6. United Nations E-Government Survey 2016. – New York: UNO, 2016.

7. Ponomarev S.V. Problemy vnedreniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v sistemu gosudarstvennogo upravleniya Rossii: elektronnoe pravitel'stvo v otstavku? // ARS ADMINIS-TRANDI. 2014. №1. S. 91–105.

8. Barkov S.A. Setevye otnosheniya kak organizacionnaya innovaciya i osnova ekonomicheskoy i social'noj bezopasnosti. V sb.: Logistika i bezopasnost' Rossii / Pod red. T.M. Stepanyan. – M.: Maks-Press, 2016. – S.20-33.